

Ванька

Из цикла рассказов «Деревенские посиделки»

... Ванька Ложкин, изрядно выпив, с дружкой своим закадычным, Лёхой-лепёхой, домой пришел, что называется, на бровях. Сбросив с себя прямо на пол у койки верхнюю одежду, стянул с ног пимы и завалился на постель.

Мать, слава богу, уже крепко спала, поэтому обошлось без скандала, хотя она и скандалить-то толком не умела, так, больше сетовала с досадой: «Ведь о таком даже подумать-то страшно, не то, что сказать, дитя родное единственное жизнь свою пропиват, такого и врагу не пожелаешь...».

Ванька злился: «Каждый день одно и то же, хоть домой не ходи... Сколь можно воспитывать? Уж без малого третий год на пенсии, положенное отробил, теперя пирую на свои кровные, у тя денег не прошу...».

Последние лет десять Ванька пил, не просыхая. Мать «кодировала» его без счёту раз, а всё без толку.

... Под утро Ванька озяб и проснулся, в нетопленной с вечера избе было холодно. Укутался с головой в одеяло, но согреться не удавалось. Раздражённо крикнул нарочито громко на всю избу:

– Ма-а-ать, хватит спать!.. Мыслимо ли, на улице светает, а изба не топлена.

Мать молчала.

– Вставай, давай, кому говорю?.. Не слышит, спит, будь она неладна...

Ванька встал, потёр руками заспанные глаза, зевнул, привычно прикрыв наполовину беззубый рот ладошкой. Хотел было печь растопить, но дров с вечера мать не принесла.

– И дров не припасла, вот те раз, отродясь такого не бывало, спит себе, и до сына ро'дного дела нет... Мать, ты чё молчишь-то, осерчала, ли чё ли? Ты думаешь, легко мне пить-то? Сама не пьёшь, так не знаешь, а попила бы с моё – узнала! Тут ревёшь, да пьёшь при нынешней-то жизни... Уж сколь раз тебе говорил и говорю: пил и пить буду, пенсию сам заработал... Хошь сердись, хошь нет – дело твоё... Сама себя маешь, да меня в придачу, другая бы уж давно смирилась да нервы сыну не трепала... – Ванька ворчал, натягивая на себя пимы и засаленную фуфайку.

Быстро сбегал во двор «до ветра». Дворовый пёс Жулик, радостно виляя хвостом в ожидании скорой кормёжки, заискивающе вертелся в ногах у Ваньки.

– Да погодь ты, погодь, не до тебя пока, вишь, с похмелья-то на ногах еле-еле стою – того и гляди упаду ненароком, да ты ещё проходу не даешь, оголодал, как будто ты неделю не кормили. Дай хоть охапку дров взять – в избе холодища, зуб на зуб не попадат, – сказал Иван псу. А потом, жалеючи, добавил: – Щас печь истоплю, а покуда терпи, я и сам-то ещё не жрамши. Хозяйка-то твоя спит, нет, чтобы нас с тобой покормить, сонная тетеря...

Вернувшись, Ванька бросил на пол охапку дров. Разжигая печь, снова окликнул мать:

– Мать, ты чё, всё ещё спишь, ли чё ль? На часы-то глянь, десятый час, как-никак!

Мать молчала.

Растопив печь, мало-мальски умылся у рукомойника, что стоял в закутке у печи, потом налил в чайник воды и поставил его на очаг.

– Хватит дуться-то, ну, выпил вчерась с Лёхой-лепёхой по случаю, так теперя сам маюсь, с похмелья голова трещит. Мать, у тя, поди, бражка есть, крещенье сёдня, грех не выпить...

Мать молчала.

Ванька открыл кухонный шкаф, спиртного, как и следовало ожидать, не нашёл. Не держала мать дома спиртного, а «Тройной одеколон», который покупала для растирки ног, прятала от сына, чтоб не выпил.

– У людей праздник, а у тебя ни выпить, ни закусить, хоть бы квашонку поставила, да после пирогов испекла али шанежек.

Мать молчала. Ванька, заподозрив неладное, зашёл к ней в комнату, небрежно раздвинул занавески на окнах. Мать с полуоткрытым ртом лежала на койке, зажав нательный крестик в левой руке, словно молилась во сне. Правая же рука безжизненно свисала с кровати, касаясь пола...

Он боязливо прикоснулся к матери, её застывшее тело, как губка, впитало холод смерти.

– Мать, ну ты не шути так, вставай, давай... Я уж печку сам истопил, чайник скоро закипит, чай пить будем... Мать! Мать!..

Ванька тряс мать за плечи, остывшее тело было пока ещё податливо.

– Мать, ну ты чё меня пугашь-то? Пошутила, и будя...

Ответа не последовало. Ванька машинально произнёс:

– Вставай, давай... Чай попьёшь, а потом лежи сколь хошь. Замёрзла, так я щас тебя своим одеялом укурю, согреешься... Ты чё, ты чё, умерла ли чё ль... как так-то? Пошто ты-то вперёд меня? Я ж без тебя и года не протяну, кому я такой нужо'н...

Ванька выл, слёзы текли одна за другой по небритым щекам.

– Мать, мать, чё с меня взять-то? Сама посуди – пил, пью, в момент всё пропью... Чё ж ты так со мной-то? На какие шиши я тебя хоронить-то теперь буду-у?..

Взрослеют все по-разному, его «детство» закончилось сейчас, к такому исходу Ванька был не готов...

... Зимой в деревне народу не лишку, это летом она оживает за счёт дачников, а сейчас на всю деревню десяток старух не насчитаешь, а от переселившихся из города алкашей толку мало.

К другу своему Лёхе-лепёхе идти было бесполезно, он едва ли после вчерашней попойки очухался. Да, и какой это друг – так, собутыльник, разве что могилку копать поможет, хотя какой из него копальщик – ходячий суповой набор, идёт – ветром сдувает.

Немного погодя Ванька пошёл к соседке, тётке Матрёне, сообщить о случившемся, может, поможет чем. Они с матерью, как-никак, подружки с детства.

Ворота у тётки Матрёны были закрыты на засов. Ванька подошёл к палисаднику, открыл калитку и постучал в заиндевевшее окно. Матрена, с трудом разглядев Ваньку, испугалась не на шутку и прокричала: «Чё тако? Погодь, ща-ас выйду...»

Вскоре и правда вышла, запыхаясь, отворила ворота и, предчувствуя сердцем худое, спросила:

– Вань, на тебе лица нет, чё тако? Ой, а перегаром-то от тебя за версту разит, дышать нечем, можно прямо сразу закусывать.

Старушка прикрыла нос рукой и отошла в сторонку.

– Тётъ Матрён, мать-то у меня померла...

– Ой, батюшки родные, чё делается-то, знать, отмучилась, сердешная...

– Она-то отмучилась, а я-то на какие шиши её хоронить буду? Мне сёдня даже опохмелиться не на чё...

– Вань, так мать-то мне наказала загодя, у неё всё припасёно: и деньги, и смёртная одёжа... Шешьдесят тыщ мне она на сохранение доверила, боялась, грешным делом, что ты пропьёшь. Ты, энто, милицию вызывай, звони, давай, круче! А схоронить-то схороним, есть на чё... Отмаялась, значит, Ляксандра...

– Ну, ладно, прямо с души камень упал, тады дай мне на опохмелку деньжат, а то голова трещит, того и гляди лопнет.

– Накось, выкуси! – тётка Матрёна показала кукиш. – Мать схорони сначала, ирод окаянный, после опохмеляться будешь. Милицию вызывай, сказала, а я щас оденусь и к вам подойду.

– Ну, ты мне хоть рублей пятьдесят дай, я до Семёновны добегу, она плеснёт на опохмелку.

– Кому сказала – не дам, и не проси, деньги мне мать на другое дело доверила.

– Тьфу-у, нашла, кому доверить, у ты зимой снега-то не выпросишь... – Ванька смачно плюнул и побрёл домой, шатаясь.

Матрёна вслед ему прокричала:

– Иди-иди, давай, пока метёлкой не отходила, я ж не мать, терпеть не буду, не на ту нарвался! – А потом тихо добавила: – Эх, Ванька, Ванька, пропащая душа! Хлопец-то до чё славный был ране, а как жена загуляла, так и спился – вот где горе-то горькое... Недолго он без матери-то протянет... Мать-то и ему на смерть деньжат припасла.